

УДК 101.8

DOI: 10.34670/AR.2020.75.17.045

Статусный аспект возраста: социально-философский анализ**Килясханов Магомед Хизриевич**

Кандидат философских наук, доцент,
представитель,
Представительство МВД России в Республике Таджикистан,
734003, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Льва Толстого, 67;
e-mail: gurbo4073@gmail.com

Мусаев Алик Растамович

Соискатель,
Ессентукский институт управления, бизнеса и права,
357600, Российская Федерация, Ессентуки, ул. Ермолова, 2;
e-mail: aliyamal@mail.ru

Сыпачев Сергей Владимирович

Кандидат социологических наук,
начальник управления процессуального контроля и криминалистики,
Главное военное следственное управление,
119160, Российская Федерация, Москва, пер. Хользунова, 14;
e-mail: sypachev@mail.ru

Тисовский Роман Романович

Кандидат социологических наук, доцент,
докторант,
Ессентукский институт управления, бизнеса и права,
357600, Российская Федерация, Ессентуки, ул. Ермолова, 2;
e-mail: tisrom@mail.ru

Шатовкина Римма Викторовна

Кандидат юридических наук,
судья,
Новосибирский областной суд,
630091, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Писарева, 35;
e-mail: rsh4537@mail.ru

Аннотация

Одним из наиболее интересных аспектов проблемы возраста является то, что он рассматривается в качестве объективной характеристики. Однако категория возраста

содержит в себе чрезвычайно много смысловой нагрузки, связанной с возрастными социальными ожиданиями, стереотипами восприятия, способами самоидентификации. Несмотря на то, что развитие и старение определяется биологическими процессами, сама категория возраста приобрела социальное измерение. При этом набор социальных условностей, связанных с возрастом, может иметь как положительное значение, связанное с расширением возможностей и приобретением благоприятного статуса, так и отрицательное значение. Негативное проявление социального возраста состоит в ограничении набора доступных для членов общества возможностей и формировании ряда возрастных ограничений. В статье рассматриваются основные аспекты социальных ограничений, связанных с возрастом. Анализируется категория возрастного неравенства. Доказывается, что в рамках системы социальных условностей существуют явные и негласные предписания, в совокупности определяющие снижение социальной активности, фактически – самоисключение пожилых людей из социальной жизни.

Для цитирования в научных исследованиях

Килясханов М.Х., Мусаев А.Р., Сыпачев С.В., Тисовский Р.Р., Шатовкина Р.В. Статусный аспект возраста: социально-философский анализ // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Том 9. № 5А. С. 112-119. DOI: 10.34670/AR.2020.75.17.045

Ключевые слова

Возраст, социальные возможности, социальные ограничения, возрастные стереотипы, общество, социальные ожидания, социальное самоопределение.

Введение

Общество построено на многочисленных условностях, которые определяют поведение, предписывают допустимые и недопустимые формы поведения. И один из аспектов социального устройства, налагающих ограничения, является групповое деление, по факту которого одни группы наделяются расширенным набором прав и возможностей, в то время как другие, напротив, в существенной степени ограничиваются. Одним из векторов развития общества является снятие ограничений. В этом – естественное стремление активных участников социальных отношений к самореализации и преодолению преград на ее пути. Именно здесь мы и сталкиваемся с тем, что в условиях осознания групповой ограниченности зарождается конфликт, направленный на преодоление существующих условностей. Однако этот процесс становится возможным только при условии, если само по себе неравноправное групповое деление становится объектом внешнего рефлексивного рассмотрения, а предпосылки такого деления ставятся под вопрос.

Таким образом, мы имеем дело с двумя диаметрально противоположными состояниями в условиях группового неравенства: его рассмотрение в качестве обоснованного, естественного порядка вещей и критическое, направленное на преодоление существующего порядка отношение. Примерами группового неравенства могут служить сословное деление, неравноправие по гендерному признаку, этническая или расовая предвзятость, разделение по критерию религиозной принадлежности.

Основная часть

Любой из сценариев социального разделения, в результате которого возникшие группы характеризуются разным уровнем прав и возможностей, сохраняет свою жизнеспособность лишь в том случае, если имеет место его обоснование на мировоззренческом уровне, либо если есть в достаточной мере развитый механизм принуждения. Так, например, неравенство по сословному критерию имеет глубокую укорененность в культуре, фактически, приводя к формированию различных типов самосознания внутри групп и разных типов отношения к внешним группам. Гендерное неравенство также находит обоснование в культуре, причем, говоря об обосновании мы не имеем в виду обоснованность как логическое следование. По большей части неравенство находит обоснование не в логичных философских построениях, но в способах самоидентификации, типах внешнего отношения и ценностных установках. Идея превосходства является не столько выводом, сколько предпосылкой мировоззрения. Это одна из тех причин, почему критическое мышление представляет собой одну из наиболее деструктивных сил для социального порядка, устои которого базируются на идеях неравенства.

Одним из типов неравноправного рассмотрения членов общества, который еще только предстоит осмыслить и преодолеть, является неравенство по критерию возрастной определенности. В настоящей статье нам предстоит, с одной стороны, обосновать сам факт наличия неравноправия представителей различных возрастных групп, с другой – рассмотреть основные типы возрастного неравенства и возможные пути по разрешению данной, безусловно, важной для современного общества проблемы.

Для более эффективного рассмотрения вопроса необходимо дать базовое определение неравенства, поскольку социальное неравноправие – это то явление, которое еще предстоит доказать и, соответственно, необходимым является четкое определение обосновываемого принципа. Базовым определением неравенства в обществе является расхождение в возможностях, относящееся не к области личных характеристик субъектов общественной активности, но к их внешней социальной определенности. Иными словами, существуют различия в возможностях, имеющие естественный характер (например, разница в физических показателях, красоте, координации, предрасположенности к различным сферам деятельности) и различия в возможностях, опирающиеся на систему социальных условностей. Говоря о социальном аспекте возрастного неравенства (и, тем более, рассматривая его в качестве проблемы), мы не ставим вопрос о естественных ограничениях, которые накладывает на человека его биологический возраст. Также мы не говорим о количественной разнице в объеме полученного социального опыта. Социальный аспект возрастного неравенства – это те внешние и внутренние ограничения, которые получает человек в силу своего возраста, безотносительно к другим, в том числе и тесно связанным с возрастом, социальным качествам. При этом еще раз следует подчеркнуть, что речь идет об условностях, реализуемых на уровне моделей внешнего отношения и установок самоидентификации.

Одним из спорных моментов в построении теории, раскрывающей социальный аспект возрастного неравенства, является как раз отделение объективных различий от навязываемых и, соответственно, конструируемых в системе социальных отношений различий [Бергер, Лукман, 1995]. Поскольку существование в обществе предполагает в качестве одного из своих моментов следование принятым моделям действия, принципы неравенства, заложенные в систему социальных отношений и получающие отражение на уровне общественного сознания, получают свое фактическое подтверждение уже в силу того, что люди следуют этим принципам

и претворяют их в жизнь. Типичным примером подобного рода тенденции может служить представление о том, что люди из низших сословий не обладают столь развитыми интеллектуально-духовными способностями, какие имеют место в высших сословиях. Наличие расхождений в институциональной сфере, в частности, отсутствие образовательной системы в среде крестьянства и наличие последней в дворянской среде, как результат, приводит к фактическим различиям в уровне развития представителей различных сословных групп. Однако данное различие позиционируется как разница в природе, определяемая родовой принадлежностью, что является, как минимум, спорным утверждением. Исходные различия, существующие между представителями разных сословных групп, не имеют четкой выраженности, однако социально полагаемые различия, закрепляемые практикой общественных отношений, приобретают свое практическое подтверждение.

Если рассмотреть возрастной аспект общественной жизни, можно констатировать, что возрастные различия – это научно обоснованный факт. Существуют разделы социальной психологии, медицины, эпистемологии, раскрывающие вариативность возможностей человека, находящуюся в соотношении прямой зависимости от его стадии онтогенеза. Вместе с тем, содержание этих различий и степень их интенсивности – это те моменты, которые могут быть подвергнуты широкой трактовке. Именно на это и опираются системы социального мировоззрения, полагающие специфический способ понимания возможностей различных возрастных групп [Мухранова, 2006].

Говоря о возрастном делении, следует обратить внимание на один из наиболее важных критериев деления возраста – социальная дееспособность. С этой точки зрения существует группа людей, еще не вступивших в стадию самостоятельной социальной жизни, в рамках которой они наделены всеми правами и обязанностями (дети), группа людей, активно участвующих в общественной жизни (молодежь старше 18 лет и зрелые люди), а также члены общества, утратившие способность к активной социальной деятельности (пожилые люди). Социальные права и возможности – чрезвычайно эффективный критерий в рамках постановки вопроса о возрастном неравенстве и его измерениях. И здесь следует четко отслеживать различия между отсутствием возможностей, как личной характеристикой и как характеристикой социально детерминированной. Рассматривая проблему в таком ключе, можно выделить три аспекта возраста, имеющие четко выраженный социально-детерминированный характер:

- способы социального восприятия возраста и возрастной самоидентификации;
- правовая определенность возраста;
- социальные практики, традиции и установки, связанные с возрастной определенностью объекта взаимодействия.

Рассмотрим подробнее каждый из обозначенных аспектов. Прежде всего - правовой аспект возраста, поскольку он имеет, с одной стороны, ярко выраженный характер условности, с другой – обладает универсальным объективным значением для всех членов общества. Отдельного внимания заслуживает и то, что возраст определяет характер прав и обязанностей членов общества, что имеет несомненную ценность с точки зрения исходных вопросов, поставленных в настоящей статье. Правовое измерение возраста определяет такие моменты, как последовательное приобретение прав, и одновременно – приобретение различных типов ответственности. В этом плане примечательными становятся возрастные границы получения удостоверения личности, вступления в уголовную ответственность, приобретения прав на бракосочетание, трудовую деятельность, участие в политических процессах. На правовом

уровне определяется пенсионный возраст, определяющий возможность получения государственной материальной поддержки. Таким образом, на правовом уровне имеет место следующая ситуация: изначально члены общества имеют ряд социальных ограничений, которые снимаются в процессе достижения конкретных возрастных стадий. Несмотря на то, что в процессе взросления также возникают различные формы социальной ответственности и соответствующих обязанностей, в целом, взросление определяет рост числа социальных возможностей.

Что касается способов социального восприятия возраста имеет место существенно отличная от рассмотренной выше ситуация. Здесь также присутствует момент повышение набора допустимых действий в ходе взросления, однако возрастные рамки не имеют столь четкой, как в правовой сфере, стадийной определенности. Вместе с тем существует развитая система социальных стереотипов, касающихся способностей и перспектив представителей различных возрастных групп [Чеканова, 2005]. В данном случае существует, с одной стороны, набор представлений об ограниченности возможностей и опыта детей и представителей молодежи, что является ограничением в ряде сфер деятельности. С другой стороны, имеет место схожая ситуация применительно к пожилым людям, которые оцениваются как утрачивающие свои социальные возможности. Это связано, в первую очередь, со статистическим, детерминированным биологическими возрастными изменениями, ухудшением физических возможностей стариков, частыми болезнями, изменением реакции, снижением обучаемости и адаптивности. Все это в совокупности представляет стереотипный образ пожилого человека, обладающий рядом негативных с точки зрения возможностей социального включения качеств. Как результат, мы имеем дело с ситуацией недооценки возможностей пожилых людей, что отражается как на процессах коммуникации, так и в области социальной практики. В частности, в сфере трудовой деятельности прием на работу пожилого человека зачастую рассматривается в качестве нежелательного, что сокращает для пожилых людей спектр доступных вакансий. Еще один пример – отказ пожилым людям в кредитовании, связанный с повышенным риском невозврата предоставленных средств. Таким образом, социальное восприятие возраста пожилых людей приводит к урезанию их возможностей и формированию дополнительных преград в области коммуникации и внешней социальной активности.

Применительно к вопросу о социальных возможностях рассмотрен такой аспект, как роль внешнего определения возраста социальным окружением. Однако не менее значимым фактором является то, каким образом на базе осознания личной возрастной определенности формируется персональная стратегия социальной активности. И здесь следует признать, что негативные стереотипы, связанные с возрастом, а также существующий в общественной среде набор возрастных ожиданий оказывают серьезное формирующее воздействие. И если для представителей младших возрастных групп эти стереотипы рассматриваются в качестве преград, которые необходимо преодолеть, то среди представителей старшего поколения возрастные стереотипы становятся основанием отказа от амбиций и формирования модели поведения «пожилой человек», соответствующей сложившимся в обществе представлениям о старости. Таким образом, факт достижения определенных возрастных рубежей становится основанием для изменения способа социальной активности, в основном – в направлении ее сворачивания. Это представляет собой еще одно измерение трансформации набора социальных возможностей, опирающейся на социальные условности возраста.

Еще один из рассматриваемых аспектов, а именно область социальной практики, по факту, представляет собой поле реализации сложившихся в обществе социальных установок и

институционально заложенных отношений. При этом, на уровне социальной практики происходит не просто реализация социальных моделей, налагающих ограничения на представителей различных возрастных групп, но и активное насаждение связанных с возрастной определенностью стереотипов. При этом те представители возрастных групп, которые активно реализуют ожидаемые формы поведения, способствуют закреплению сформировавшегося в общественном сознании стереотипа.

Заключение

Иллюстрируя это на примере пожилых людей, отметим, что это приводит к дискредитации представителей старших возрастных групп, снижению уровня их социальной включенности, возникновению дополнительных барьеров во взаимодействии с членами семьи, а также к ухудшению материальных условий и повышению нагрузки на государство. Подобный список уже заставляет рассматривать ограничительные социальные стереотипы, связанные с возрастной определенностью, серьезным вопросом, имеющим явное практическое значение.

Библиография

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: «Медиум», 1995.
2. Чеканова Э.Е. Социальное конструирование старости в современном обществе: диссертация доктора социологических наук: 22.00.04. Саратов, 2005. 401 с.
3. Мухранова Е.Н. Возраст как феномен культуры: диссертация кандидата философских наук: 24.00.01. Санкт-Петербург, 2006. 180 с.
4. Бежан-Волк Ю. Особенности сельских гендерных моделей (на материалах республики Молдова) // Социологические исследования. 2003. №8.
5. Доброхлеб В.Г. Старшее поколение как объект социальных стереотипов // Гендерные стереотипы в современной России. М.: ГУ ВШЭ, МАКС Пресс, 2007.
6. Ермолаева М.В. Практическая психология старости. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 214 с.
7. Катаева С.В. Проблемы гендерного и возрастного неравенства: исследование историй жизни пожилых россиянок // Женщина в российском обществе. 1999. №3(15).
8. Хоткина З.А. Гендерный подход к анализу труда и занятости // Гендерный калейдоскоп: курс лекций / Под общ. ред. М.М. Малышевой. М.: Academia, 2001.
9. Bowd A.D. Stereotypes of Elderly Persons in Narrative Jokes // Research on Aging. 2003. Vol.25. №1.
10. Fitzgerald G. Explaining about... elder abuse // Working with Older People. 2006. Vol.10. №2.
11. Onyx J. Older women workers: A double jeopardy? // Managing an ageing workforce. Warriewood, NSW: Business and Professional Publishing, 1998.

Status aspect of age: socio-philosophical analysis

Magomed Kh. Kilyaskhanov

PhD in philosophy, Associate Professor,
Representative,

Representative Office of the Ministry of Internal Affairs
of Russia in the Republic of Tajikistan,

734003, 67 Lev Tolstoy str., Dushanbe, Republic of Tajikistan;
e-mail: gurbo4073@gmail.com

Alik R. Musaev

Applicant,
Essentuki Institute of management,
business and law,
357600, 2, Yermolova str., Yessentuki, Russian Federation;
e-mail: aliyamal@mail.ru

Sergei V. Sypachev

PhD in Sosiology,
head of the Department of procedural
control and criminalistics,
Main military investigation Department,
119160, 14, Kholzunov lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: sypachev@mail.ru

Roman R. Tisovskii

PhD in Sosiology,
Associate Professor,
Essentuki Institute of management, business and law,
357600, 2, Yermolova str., Yessentuki, Russian Federation;
e-mail: tisrom@mail.ru

Rimma V. Shatovkina

PhD in Law,
Judge,
Novosibirsk regional court,
35 Pisareva str., Novosibirsk, 630091, Russian Federation;
e-mail: rsh4537@mail.ru

Abstract

One of the most interesting aspects of the age problem is that it is considered as an objective characteristic. However, the age category contains an extremely large semantic load associated with age-related social expectations, perception stereotypes, and ways of self-identification. Despite the fact that development and aging are determined by biological processes, the category of age itself has acquired a social dimension. In this case, a set of social conventions related to age can have both a positive value associated with the expansion of opportunities and the acquisition of favorable status, and a negative value. The negative manifestation of social age consists in limiting the set of opportunities available to members of society and forming a number of age restrictions. The article deals with the main aspects of social restrictions related to age. The category of age inequality is analyzed. It is proved that within the framework of the system of social conventions, there are explicit and tacit prescriptions that collectively determine the decline in social activity, in fact, the self – exclusion of older people from social life.

For citation

Kalashanov M.Kh., Musaev A.R., Sypachev S.V., Tisovskii R.R., Shatokhina R.V. (2020) Statusnyi aspekt vozrasta: sotsial'no-filosofskii analiz [Status aspect of the age: a socio-philosophical analysis]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 9 (5A), pp. 112-119. DOI: 10.34670/AR.2020.75.17.045

Keywords

Age, social opportunities, social restrictions, age stereotypes, society, social expectations, social self-determination.

References

1. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. Moscow: "Medium", 1995.
2. Chekanova E.E. Social construction of old age in modern society: dissertation of the doctor of sociological Sciences: 22.00.04. Saratov, 2005. 401 p.
3. Mukhranova E.N. Age as a phenomenon of culture: dissertation of the candidate of philosophical Sciences: 24.00.01. Saint Petersburg, 2006. 180 p.
4. Bejan-The Wolf Yu. Features of rural gender models (based on the materials of the Republic of Moldova) // Sociological research. 2003. №8.
5. Dobrokhleb V.G. the Older generation as an object of social stereotypes // Gender stereotypes in modern Russia. Moscow: higher school of Economics, MAX Press, 2007.
6. Ermolaeva M.V. Practical psychology of old age. Moscow: EKSMO-Press, 2002. 214 p.
7. Kataeva S.V. Problems of gender and age inequality: research of life stories of elderly Russians // Woman in Russian society. 1999. No.3(15).
8. hotkina Z.A. Gender approach to the analysis of labor and employment // Gender kaleidoscope: a course of lectures / Ed. by M.M. Malysheva. Moscow: Academia, 2001.
9. Bowd A.D. Stereotypes of Elderly Persons in Narrative Jokes // Research on Aging. 2003. Vol.25. №1.
10. Fitzgerald G. Explaining about... elder abuse // Working with Older People. 2006. Vol.10. №2.
11. Onyx J. Older women workers: A double jeopardy? // Managing an ageing workforce. Warriewood, NSW: Business and Professional Publishing, 1998.